

Борис ЛУКИН

ОБИТЕЛЬ

(Отрывок из книг: Б. И. Лукин: «Иоанно-Богословская Савво-Крыпецкая Обитель. Исторический очерк, 1455–2015»; «Чернец. Поэма»; Издательство Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого монастыря. Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви. Код Издательского совета: ИС 14-405-0490. Ссылка на протокол №5 от 27 марта 2014 года.)

ПРОЗА ВЕЧНОСТИ

Пролог

На скамеечке у храма повстречались в час покоя
гость болезненный столичный

и наместник крыпецкой.

Разговор зашёл о всяком да с присловьем «Слава Богу».
Разговор зашёл о всяком, что так душу берedit.
Взглянет ангел с поднебесья и нашепчет про простое,
пусть владыка не серчает на «чашобу» впереди.
А пока просторы ширят и болота осушают,
кельи строят и на звоны подвезли колокола,
есть ещё одна забота у печерского монаха:
про обитель рассказать всем, как живёт и как жила.

«Ты, писатель, так и взялся б...»

«Буду ль жив ещё, не знаю...»

«Не о том печёшься.

Разве тело вырвалось из праха?»

Не дискуссия, конечно, но житейский разговор.
Напряжён один и болью озабочен он телесной,
а другой, всё понимая, по писанию твердит.
А от храма и до леса, к небесам диагональ,
И от леса и до храма ласточек резвится стая.

«...Если же болезнь осилю, обещаю написать я,
шесть веков перелиставши монастырского сказанья».

«Ты сходи-ка на могилку к Преподобному монаху
и Корнилия от сердца о здоровье попроси.

Много страждущим подобных исцелений даровал он», –
И рукой мастерового направленье указал.

На границы горизонта, там кончалася равнина,
у лесов послевоенных и болотистых трясин,
холмик виделся в оградке, где столетия в финале,
обрели Святого мощи, как Блаженный завещал.

«А ещё святого Савву, основателя, Отца нам,
не забудь всечасно славить и о здравии просить».

Как уж там молил я чуда исцеления – не знаю,
но когда чудесник лекарь щедро жизнь мою продлял,
день за днём читал я книгу «Житие святого Саввы»,
он, обитель основавши, защищал её в веках.

А полгода миновало, устремился я в обитель
В прославления день чудесный и святое Рождество...

Пусто место на скамейке. Лишь могилку я увидел.
Словно мне в предупрежденье вдруг почил наставник мой.

Так в наследство получил я поручение о книге.
И она слагаться стала. И неведом мне финал...

07.07.2019, Севастополь

ВОЗНИКНОВЕНИЕ

Основание Иоанно-Богословской обители во второй половине XV века связано с именем преподобного Саввы Крыпецкого. После Флорентийской унии 1439 года в русской церкви окончательно утвердилась мысль о том, что истинное православие сохранилось только на Руси. В 1453 году, после падения Константинополя, а может и ранее, вместе с другими бежавшими от преследования турок иноками афонскими удалился Савва в единоверную и могущественную Русскую землю. И это не было случайностью. Тогда у православного мира осталась последняя надежда – Русь. Так что не только летописец в «Повести о стоянии на Угре» помещал судьбу славянства в центр всемирной истории. Православные народы, терпящие беды от турок, перечисляются автором второй Софийской летописи в пламенном воззвании к русским воинам, участникам событий на Угре 1480 года: «О храбрые и мужественные сыны русские! Потрудитесь, сохраните от поганых своё отечество, Русскую землю! Не пощадите ваших жизней, да не узрят ваши очи пленения и разграбления ваших домов, и убиения ваших чад, и поругания жен и дочерей, подобно тому, как пострадали от турок великие и славные земли: болгары, сербы, греки, хорваты, Трапезунд, Морея, Босния, Манкуп, Албания, Кафа! Они не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, и много плача, и слёз достойные, укоряемые и поносимые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали со многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и души и тела свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с именем, и скитающихся, как странники, и смерти у Бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, Господи, нас, православных христиан, молитвами Богородицы и всех святых. Аминь». (Перевод Я.С. Лурье.)

На заре христианской эры Господь наш Иисус Христос призывал «молиться друг за друга, чтобы не впасть в искушение» (Матф. 26: 41), апостол Павел указывал на необходимость молиться и взывать к Богу непрестанно (1 Фес. 5: 17). Тысячи лет этот первохристианский призыв исполняют православные иноки. Их молитва помогла многим народам покинуть тропу бед и искушений, выбрав прямой путь жизни. Молитва тогда связывала крепче политических договоров. Молитвы сербских и русских иноков соединены в общий поток со времён святителя Саввы Сербского, нашедшего путь ко спасению в русском Пантелеймоновом монастыре на Святой горе приблизительно в 1191 году. Архиепископ Сербский Савва (около 1175–1234, по сербским источникам), прославляемый церковью как святой покровитель Сербии, – сын Растько, знаменитого основателя самостоятельного Сербского государства, великого жупана Стефана Немани, в иночестве Симеона, как можно прочесть в «Житии святых» святителя Димитрия Ростовского. Будучи королевичем и предполагаемым наследником престола, этой жизни он предпочёл монашескую стезю. Тайно от родителей прибыв в Афонский монастырь, он постригся в монашество. Впоследствии канонизирован и прославлен как святитель Савва Сербский. До создания вместе со своим отцом сербской Хиландарской обители святитель обосновался в Ватопеде.

В XV столетии сербские монахи во множестве устремляются на Русь, сохраняя сокровища южнославянской письменности от турецких захватчиков. Они могли бы, вслед за греческими архиереями и аристократами, направиться под защиту уютной и обильной католической Италии, но предпочли роскошным яствам венецианских палаццо грубую черняшку в студёных дебрях и всеях русского Севера. Как бы пугающе красиво ни звучали сии словеса, но выбирали монахи крещенскую стужу у Москвы-реки или на берегу Великой, ибо чистота православия была для них превыше всего. До нас дошли жизнеописания нескольких сербских монахов, молившихся и трудившихся во благо России. И всё славные имена! Игумен Глинской пустыни Паисий, настоятель Бессарабского Гиржавского монастыря Спиридон и один из самых плодовитейших писателей того времени древнерусский книжник Серб Пахомий (Логофет), который не мог не знать про своего соотечественника под Псковом, хотя бы от новгородского архиепископа Ионы, при котором и сам пришёл в Новгород.

Достойное место среди соотечественников отвёл Господь и преподобному Савве Крыпецкому. Как выше было сказано, пришёл он со Святой горы Афон, из сербского монастыря Хиландарь, посвящённого Введению во храм Пресвятой Богородицы, престол которого 21 ноября по юлианскому календарю (4 декабря по н.с.). Известно, что издавна среди православных монастырей Афона кроме греческих существуют и славянские: русские, сербские, болгарские. Афон вступил в эру христианства задолго до 313 года, когда император Константин Великий издал указ о даровании христианам права свободы вероисповедания. К этому времени там уже появились многочисленные христианские монастыри. Неизменно с первых дней существования Хиландарский монастырь занимает четвёртое место в иерархии афонских монастырей. Расположенный в северо-восточной части Святой горы, опоясанный прочными стенами высотой под 30 метров и длиной около 140 метров, он напоминает крупную средневековую крепость, близкую очертаниями к византийскому кораблю типа «хеландион» (в русском варианте – «шаланда»). По одной из версий и название своё монастырь получил поэтому. Хиландарь построен в XII веке и был греческим, но оставленным основателями ко времени прихода святого Саввы Сербского. Восстановлением своим обязан сербскому

королю Стефану – монаху Симеону – и его детям Стефану I Неманичу (Первовенчанному) и Растьке Неманичу, в иночестве Савве. Издавна считается, что Хиландарь, переданный указом византийского царя 1198 года в собственность Сербии, привнёс ещё одну крепкую лозу славянского духа на Святую гору. В 1200 году святой Савва Сербский составил «Хиландарскую грамоту», определив ею образ жизни монахов в монастыре. Есть в уставе (глава 12 «О свободе монастыря») следующие слова: «Заповедаю всем вам от Господа Бога Вседержителя, чтобы этот святой монастырь был независим от всех здешних властей, от Прота и других монастырей, и от отдельных владык. И чтобы он не был ни под чьим управлением: ни царским, ни церковным, ни каким другим, но был управляем единой Славимой Богородицей Наставницей и молитвой преблаженного и святого отца, который игуменствует в нём». Явно этих наставлений придерживался и преподобный Савва Крыпецкий в своём монастырском строительстве, их же последователем стал и отец Дамаскин (архимандрит Дамаскин (Сахнюк; 1947–2007) – возобновитель Крыпецкого монастыря, похоронен в обители).

Не с пустыми руками пришёл преподобный Савва Крыпецкий в середине XV века на Русь, а с настоящими сокровищами: с сербским Евангелием и образом Иоанна Богослова, которые сохраняются и поныне в древлехранилище Псковского музея. Можно представить себе, сколько трудностей надо было испытать ему в дороге, чтобы сохранить это по тем временам немалое богатство. Мусульмане с большой охотой и выгодой приторговывали захваченными православными святынями. Сначала поселился преподобный Савва в обители Рождества Пресвятой Богородицы на Снятной горе (западная сторона Запсковья, ныне действующий Снетогорский женский монастырь). Название горы предположительно происходит от названия рыбы снетка, которая в изобилии водилась у брода близ Снетогорской горы. Сегодня рыбы почти нет. Святой Савва застал как раз те годы, когда снетка было столько, что поставишь в воду весло, и оно стоит. Есть в этой истории о рыбке снетке, собирающейся у монастырских стен, некий отсыл к чуду, совершенному Воскресшим Христом в Галилее: «Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить [сети] от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море. А другие ученики приплыли в лодке, – ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, – таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нём лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь поймали. Симон Петр пошёл и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, [которых было] сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть». (Ин. 21: 5–11)

Возможно, именно близость города побуждает святого Савву оставить Снетогоры. К тому же в те годы в Пскове и Новгороде ещё сильна была ересь стригольников. Их на соборе осудили, кого сослав, а кого казнив, но тайные последователи в некоторых монастырях оставались. (Ересь стригольников появилась во второй половине XIV века в Пскове. Стригольник Карп (парикмахер) и диакон Никита (расстрига) научали не принимать таинства от духовенства. Кроме этого, отрицали иерархию, церковные священнодействия, вселенские соборы, евангельские Писания и воскресение мёртвых. По их мнению, учить могут миряне, а каяться надо, припадая к земле, без священника. Евхаристию надо понимать в духовном смысле. Проповедуя это, они умело лицемерили и казались народу постниками и подвижниками. Из Пскова лжеучители перешли в

Новгород. После церковного проклятия народ схватил Карпа с Никитой и утопил. Своевременные Послания константинопольских патриархов Нила и Антония и увещевания митрополита Фотия, последовавшие незамедлительно, утишили волнение умов.

В монастыре Савва, «пребыв некое время» (45 об.), т.е., очевидно, непродолжительное, и из нежелания славы от братии, как объясняет иерей Василий, перешёл «с великим смирением в лавру к великому Евфросину над Толву реку» (л. 23). Вероятнее, что преподобный оставил Снетогорский монастырь по тем же побуждениям, по каким сделал это и святой Евфросин. Порядки снетогорской жизни едва ли могли удовлетворить афонского постриженника, и в то же время он мог узнать о существовании вблизи Пскова другой обители, со строго уставным направлением иноческой жизни. Святой Евфросин взрастил, как сегодня сказали бы, плеяду русских святых, перечисление одних имён которых занимает почти половину страницы: преподобный Игнатий, игумен Спасо-Елеазаровского монастыря (XV век); преподобный Онуфрий Мальской Псковский (основал монастырь Рождества Богородицы на Малах близ Изборска, скончался 12 июня 1492 года); преподобный Серапион Псковский (уроженец Юрьева на Толбе-реке (впадает в Псковское озеро), скончался 7 сентября 1480 года); преподобный Игнатий, игумен Спасо-Елеазаровского монастыря (XV век); преподобный Памфил Псковский, Спасо-Елеазаровский (†XV, мая 15); преподобный Харалампий Псковский, Спасо-Елеазаровский (†XV, мая 15); преподобный Харитон Кудинский (†XVI, основатель и игумен монастыря на озере Кудине рядом с Торопцем); а также Иоаким Опочский, игумен (†ок. 1550, сентября 9). Местночтимые родные братья из Пскова – святые игумены того же монастыря Игнатий, Харалампий и Памфил. Можно смело сказать об уникальной и, пожалуй, единственной в своём роде в Псковской истории монашеской школе преподобного Евфросина.

Напутствуемый наставлениями святого старца, удалился преподобный Савва в дремучие леса за 15 верст от Елеазаровского монастыря в урочище Крыпцы. В «Комментариях редакции» к «Очеркам» Серебрянского отец Пантелеймон (иеромонах Крыпецкой обители) пишет: «За краткое время жительства в псковских монастырях преп. Савве как многоопытному делателю духовному оставалось принять к сведению необходимые местно-климатические, национально-характерные и природно-хозяйственные коррективы к пустынножительству и монастырскому строению в условиях Русского Северо-Запада, каковые для южанина не могли не показаться суровыми. И освоившись в духовном и гражданском пространстве нового Отечества, ему гораздо естественнее было продолжать в избранном им пустынном месте уставные и аскетические (исихастские) традиции византийско-сербских монастырей горы Афон, нежели обители преп. Евфросина. Бывшая лучшим монашеским общежитием в стране Псковской Елеазаровская обитель, на взгляд природного афонита Саввы, могла оказаться весьма отдаленной и несовершенной (по выражению автора Очерков) «копией» того многовекового монастырского Афонского образца, который был неизгладимо напечатлен на плотных скрижалях его сердца. Соприкоснувшись с типологическими особенностями коренного псковитина конца Средневековья, усовершенствованию уже существующих монастырей преп. Савва серб предпочел полагание начала обители новой на нерасхоженном месте в пустынном урочище Крыпцы».

Итак, поселился преподобный Савва на песчаном взгорке около небольшого озера, отделённых от обжитого мира непроходимыми болотами. Построив хижину, предался подвигам, проводя время в посте, воздержании и молитве. Через несколько лет уе-

диненной жизни к святому Савве стали собираться ревнители пустынной жизни. Они упросили его учредить обитель. Общими трудами была возведена деревянная двухпрестольная церковь в честь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова с приделом святителя Саввы, архиепископа Сербского, имя которого носил преподобный. Отец Савва отказался быть игуменом обители и поручил управление иноку Кассиану. Прислышав о добродетельной жизни святого Саввы, о его глубоком смирении и строгом воздержании, к старцу потянулись многие жители Пскова и его окрестностей, а за протстым народом следом и князь, бояре, посадники. «Всех преподобный Савва принимал с любовью, каждого утешал и увещевал, подавая недужным исцеление от болезней».

Во главе этих благотворителей, дороживших наставлениями старца, стоял псковский наместник, князь Ярослав Васильевич Оболенский (княжил в 1482–1487 годах), в крещении Севастьян. Он же стал одним из героев «Жития преподобного Саввы Крыпецкого»: «Однажды направился князь Ярослав со своей заболевшей княгиней в обитель святого отца Саввы, чтобы и она сподобилась принять благословение от святого старца, и помолился бы он о ней Богу, как о страдающей недугом внутренним. Ибо ведал князь, что всё исполняет Бог по молитвам святого: о чем помолится святой к Богу, то Бог дарует ему по его прошению. Сказано в Святом Евангелии: “Кто чтит Бога и творит волю Его, того [Бог] слушает” (Ин. 9: 31). Ещё Господь говорил: “А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим” (Ис. 66: 2). И ещё много о сем сказано. А отец наш блаженный Савва был и кроток, и смирен, ибо он для мира телом умер, а в Боге духом жил. Князь Ярослав хотел войти с княгиней в монастырь. Святой старец, как в древности Моисей посылал отрока своего к вдове-соманитянке, направил ученика навстречу князю, говоря, передай, что грешный Савва сказал: “Князь, не дерзай входить с княгиней в монастырь. Потому что, господин мой, есть у нас сохраняемый со времён Святых Отцов обычай – жены да не входят в иноческую обитель. А если заповедь отеческую нарушишь, то будешь преступившим закон, а княгиня твоя ни исцеления от недуга, ни благословения от Бога приять не сподобится”. Князь же, услышав от ученика слова блаженного старца, оставил свиту в половине пути и один поспешил к святому, упал ему в ноги, моля: “Отец святой, прости мне грешному моё согрешение, не ведая про эту заповедь святую, чуть было не дерзнул пойти на такой грех”». («Житие преподобного Саввы Крыпецкого»). Преподобный Савва, выйдя с братией за святые врата, благословил князя. Был отслужен молебен, после которого княгиня исцелилась. У места исцеления святым Саввой княгини Оболенской (Сабуровой) позже установлена скамья, сохранявшаяся до революции и восстановленная в наше время.

Свидетельства современников подтверждают сложный, порою противоречивый характер князя, толкнувший его на подобную дерзость, впрочем, объясняемую горячей привязанностью к жене. Иначе как мог князь, конечно, знакомый с правилами обители, пытаться ввести супругу свою в монастырь? Не случайно, видимо, был он однажды изгнан псковичами за творимые по своеволию беззаконному притеснения.

В благодарность за спасение жены и в искупление согрешения своего построил князь руками псковичей к монастырю кладь через болото (1400 сажень) с южной стороны – трёхкилометровую дорогу. До нашего времени называется она «Ярославов мост». Ещё несколько десятилетий назад она была проезжей.

В 1487 году князь Ярослав и посадник Афанасьев с другими боярами и посадниками псковскими закрепили на вече за обителью землю вокруг монастыря и выдали преподобному Савве крепостную грамоту. Митрополит Евгений (Болховитинов) в «Истории

княжества Псковского» указывает на место погребения князя Ярослава Васильевича и княгини «с меньшим сыном», скончавшихся в 1487 году 4 октября от моровой язвы. Эпидемия 1487 года была кратковременной и, судя по летописи, продолжалась с августа по 29 октября. Но именно её и не пережило семейство князя Ярослава.

ЯРОСЛАВОВ МОСТ

*...не думайте о себе более,
нежели должно думать;
но думайте скромно, по мере веры,
какую каждому Бог уделил.*

Рим 12: 1-3

Когда быть трудником не в тягость,
а во спасение души...
В обитель Крыпецкую стлалась
дорога-гать – одна как жизнь.

То благодарность Ярослава:
жена – здорова и жива.
Князь псковский думал ли о славе,
бредущей по мосткам в века?

А до того тропинкой скользкой, –
дай Боже, чтоб не утонуть, –
не перечесть печалей сколько
шло в монастырскую страну.

В краю том Крыпецком, болотном,
вознёсшись к небу из глубин,
встал монастырь святым оплотом,
Свидетель Божьей к нам любви.

Иван Васильич III правил.
Шёл век к стоянью на Угре,
где долгожданно Русь воспряла
с орлом двуглавым на гербе.

Тверских и вятских, ярославских
объединял московский мир.
«О Русь, воспрянь, – молился Савва, –
в братоубийстве не умри.
Не стань страна, как дом скудельный.
Раздор, Господь, не попусти!»

Впредь – навсегда – князькам удельным
есть Государь Всея Руси.

По воле Божьей Русь терпела...
Почто покоя не видать?
Вновь с запада, как из вертепа –
поляки, шведы и литва.

Восток – прищур таит татарский –
в полон возьмёт или сожжёт.
...Русь на терпение горазда:
смиренно ждёт весны снежок.
Он по весне в разливе хлынет,
и не укрыться, не сдержать...

Молись почаще, мать, о сыне –
ему стоять на рубежах:
под Псковом, Нижним иль Московю,
за Веру, Родину и жизнь...

Молись, причастница, с тобою
острее меч и крепче щит.

...А Ярослав мост достроят.

В Крыпецкой обители, скорее всего, с самого начала было введено строгое общежитие по близкому к афонскому образцу. По словам «Жития...», стал «Савва пустынножитель братию поучать тому, что и сам прежде исполнил: “Братья, повторяйте за божественным апостолом Иоанном Богословом, богословия горном, словно гром во всю вселенную прозвучавшим речью своей: “Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего, а исполняющий волю Божию пребывает вовек”» (1 Ин. 2: 15–17) («Житие преподобного Саввы Крыпецкого»). В «Житии...» выделяется одна черта преподобного Саввы – учительство, которая привлекала к святому псковичей. Он никого не оставлял без наставления и утешения. В его обители «не бѣ ту оскорбляема или оскорбляющего, вси бо утешаеми бываху преподобным отцем Саввою». Но и каждому из приходивших, был ли то князь, посадник, боярин или простой человек, преподобный давал совет и наставление: «всех пользоваше и учате без лени» и тем «устроиваше спасение душам их». Мирян преподобный учил соблюдать телесную чистоту, напоминая о суде над «сквернителями» тела. Богатых и судий увещевал, чтобы соблюдали правду и не кормились за счёт бедных, так как и они имеют Судию на небе. Часто напоминал всем уклоняться от ссор и вражды, творить милостыню нуждающимся, сохранять любовь и мир, снисхождением покрывать ошибки других, чтобы «и нас прощали». Псковское общество дорожило наставлениями учительного старца и на его молитву о душевном спасении отвечало заботою о материальном благосостоянии новой обители, помогало её устройству. «И отселе начаша блаженному Савве милостыню

творити бояре и посадники и вси христоролюбивии людие града Пскова, и села вдавати на сооружение обители святого отца. («Житие преподобного Саввы Крыпецкого»).

Сам старец был примером нестяжания и добродетели. Даже когда собралось довольно братии и средств, в келье преподобного не было ничего, кроме двух икон, мантии и рогожки, которая служила ему для краткого отдохновения. К подобной же бытовой скромности он призывал братию. Преподобный заповедовал братии возделывать землю своими руками. «И когда отец наш Савва достиг почтенной старости и впал в телесную болезнь и весьма изнемогал в ней, так что хотел уже отойти к Господу, смертному естеству отдав долг, – призвал он к себе всю братию и, поучая их о пользе жизни монашеской, дал им наставления духовные: пребывать в православной вере и хранить монашеские обеты, более всего смирением украшая себя. Напоследок им говоря: “Видели вы, как я всё это соблюдал, и сами так живите”. И вот всё сильнее стал изнемогать телом святой, оставаясь душою крепок, и, наконец, в лето 1495-е от Рождества Христова (7003) месяца августа в 30-й день, причастившись честных Таин Христовых, душу свою мирно Господу предал. Празднуется же память святого отца нашего Саввы пустынножителя 28 августа (10 сентября по н.с.) того же месяца, когда память преподобного отца нашего Моисея Мурина. («Житие преподобного Саввы Крыпецкого»).

Братия, объята «великой скорбью», с честью и молитвою погребла святого Савву по правую сторону храма Иоанна Богослова. Через шестьдесят лет после кончины преподобного настоятель Крыпецкого монастыря игумен Феоктист стал строить каменную церковь на месте обветшавшей деревянной. Строительство это стало по тем временам делом неординарным, хотя в начале XVI века в самом Пскове насчитывалось 40 церквей и более 20 монастырей. Единственное летописное известие о Крыпцах, датированное 1557 годом, сообщает о завершении большого строительства: «В лето 7065 совершена бысть церковь в Крыпецком монастыре святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова игуменом Феоктистом каменна». О событиях же, предшествующих завершению строительства, в подробностях повествуется в житийной главе «Об обретении мощей преподобного Саввы»: «О замыслах этих рассказал настоятель братии своей – старцу Мисаилу, и Ионе, и Даниилу, и Варлааму, и всей во Христе братии. Братия с великой верой решили, что так и быть должно. И, собрав строителей множество, вскоре к делу приступили. Разобрали они деревянную церковь Иоанна Богослова и Саввы Сербского и гробницу ветхую каменную, ту, первую, что над мощами святого отца Саввы была. А на том месте начали рвы копать для строительства каменной церкви и множество костей мертвых обрели, а в гробнице святого отца Саввы мощей не оказалось, отчего братия была в великой скорби и печали».

На память святого великомученика Георгия Победоносца, 23 апреля 1554 (7062) года, некоему монастырскому священнику Исаяе «постриженному в той же обители святого Саввы и честно соблюдающему уставы чернецов, в тот день была очередь Божественную литургию служить. И, отслужив святую литургию, после трапезы пошёл в келью свою и, возлегли, задремал – в тонком сне было ему видение. Видел он трех братьев той же обители – Патермуфия, Даниила и Власия с лопатами в руках, ходящих по монастырю. И выкапывали гробы, и, вскрывая всякий, смотрели мертвецов, разыскивая святого старца Савву, основателя обители. И, не находя его, все гробы доставали из земли, выставляя. Покопавши недалеко от того места, где была гробница, находят между церковью и гробницей дубовый гроб. Тотчас окопав его, перекрестившись, вскрыли. И распространилось благоухание от мощей святого отца. И говорят друг другу:

“Не святого это мощи?” И, покрывши гроб, отошли немного в сторону. Тотчас силою невидимою гроб святого чудотворца Саввы сам раскрылся, и голос был из гроба: “Братия, кого ищите?” И напал на них в этот миг страх и ужас великий, едва смогли сказать в ответ: “Ищем мощи святого отца Саввы, создателя обители”. И восстает святой из гроба, садится на него и произносит, показывая себе рукой на грудь: “Я и есть начальник обители этой многогрешный старец Савва, многие скорби и напасти претерпевший от бесов и от злых людей на месте этом Господа ради. Ныне пришло время, по Божьему произволению, чтобы мощам моим явленными быть всем людям”. Видом же святой высок был, борода седая как снег, круглая, широкая и густая, но не очень большая”. Ещё обещал преподобный, что «не оскудеет обитель ни в чем же отныне и до века, но исполнена будет духовными и телесными потребками. «Аз бо не престая молю Господа Бога и Пречистую Богородицу со Иоанном Богословом о святой обители сей и о вас, еже спастися вам и в разум истины прийти».

Братия монастыря, придя на указанное во сне святым Саввою место и окопав его, обрела мощи преподобного, от которых исходило необычное благоухание. Возблагодарив Бога и прославив милость Божию и отца Савву, монахи переложили мощи в новую гробницу. Ветхие доски от старого гроба раздавали верующим по частям на благословение домов и на исцеление душевных и телесных болезней.

К ниспосланному Господом чудесному обретению мощей святого уже несколько лет шла работа над первой редакцией «Жития преподобного Саввы Крыпецкого». Псковский священник Василий, работавший над текстом «Жития...» ещё до апреля 1554 года, редактировал текст и дополнял его описанием чудес, совершавшихся от мощей святого в разные годы (в 1555, 1559–1560, 1562–1564 гг.). Важно, что главным источником написания «Жития...» стали рассказы насельников монастыря. Отец Василий не преминул об этом упомянуть: «Рассказал мне подробно сам тот священноинок Исаия, сподобившийся видеть умными очами своими явление святого отца нашего Саввы. Поведали мне и другие братья из обители святого Саввы об обретении честных мощей блаженного отца – как и при каких обстоятельствах произошло явление преподобного – и побудили меня за описание приняться». На основании собранных свидетельств ещё до обретения мощей преподобный Савва был причислен к лику святых в Москве на Макарьевских соборах 1547–1549 годов. До нашего времени сохранилась написанная для Крыпецкого монастыря в первой половине XVII века икона с изображением апостола Иоанна Богослова, святителя Саввы Сербского, преподобного Евфросина Псковского, преподобного Саввы Крыпецкого с 22 клеймами (иллюстрациями по периметру иконы) из «Жития...» последнего. На ней мы видим святого Савву именно таким, каким он явился иеромонаху Исаею во сне: высоким монахом с седой округлой, густой, недлинной бородой.

Находящийся в труднодоступной глуши монастырь не оставляли своим вниманием не только богомольцы. Обитель, прирастающая дарами паломников и благотворителей, притягивала и чужеземные воинства, грабящие русскую землю, и бродяг-разбойников. Но как обещал преподобный Савва своё покровительство обители в случае опасности, так и было в действительности. Несколько чудес из «Жития...» повествуют об этом. Вот одно, исторически особо достоверное для современного скептического мышления: «Однажды ночью подошли к стенам обители преподобного Саввы разбойники, желая разграбить ее. Старший из них, по имени Евсей, пошёл разведать, а дружки его остались ждать чуть в стороне. Наблюдая, увидел, что в обители святого Саввы множество не-

знакомых людей с фонарями. Очень испугавшись необычности увиденного, поспешил вернуться и всё поведал разбойникам. От услышанного охватил их такой сильный страх, что, не дожидаясь утра, той же ночью поспешили отойти подальше от обители преподобного. Убегая же, слышали за собой погоню множества людей, а среди них и старец благолепный был, сединами украшенный, грозивший им посохом. И будто бы кричал он: “Почто монастырь мой хотите разграбить и братию мою убить? Отойдите прочь, а потом придите покаяться о замышляемом! Если же не отойдёте, то, по молитве моей к Царю Небесному Христу, погибните смертью страшной”.

Испугались разбойники некой силы Божией, ниспосланной на них молитвами преподобного Саввы. А поутру, так и не поняв, что с ними приключилось, пришли в обитель святого и стали расспрашивать у одного из живших там человека по имени Авдий: “Что это у вас ночью в монастыре было? Почему так много людей вооруженных в полночь расхаживали с фонарями по обители?” Авдий же отвечал им: “Не было у нас, братья, никого в монастыре этой ночью”. Тогда разбойники покалялись игумену и всей братии в замышляемом и со слезами поведали: “Ночью пришли мы к монастырю ограбить вас и убить. Но такой на нас ужас напал возле обители, что устремились мы прочь от монастыря вашего”. Евсевий, предводитель покаявшихся разбойников, после этого остался в монастыре и окончил свою жизнь богоугодно, приняв монашество.

В 1581 году, в царствование Иоанна Васильевича Грозного, обитель испытала на себе нашествие рати Речи Посполитой во главе с королем Стефаном Баторием (1533–1586). Баторий, выходец из Трансильвании, по отзывам современников «высокообразованный, талантливый политик и военачальник», так и не выучивший польского языка, 26 июня 1579 года направил Ивану IV любопытного содержания грамоту. В ней он кроме официального объявления войны утверждал, что собирается воевать с «московским тираном», но не с народом, которому хотел бы дать «вольность и свободу прав христианских». Уж не у него ли учились оправдывать свои захватнические амбиции Наполеон и Гитлер?

С мощным войском, составленным из представителей 17 народов, пришёл Баторий ко Пскову в августе и с сентября обложил его теснейшей осадой почти на шесть месяцев. Но героически оборонявшийся город взять ему не удалось. При известии о нашествии, опасаясь убиения, все крепецкие иноки переселились в Псков. Остался один брат Иоанн. Он и рассказал потом, как чудесным образом была сохранена от войск иноземного короля обитель. Многократно немецкие рейтары с шотландскими, французскими, венгерскими, польскими и литовскими воинами подходили к монастырю, стремясь зажечь его и разорить, но неизвестно почему не смогли. Затем явились к монастырю ещё три начальника с войском. И случилось чудо: начальники увидели у восточных ворот вооруженного воина, навстречу ему вышел другой воин, и оба направились к гробнице преподобного Саввы. Затем начали выходить из церкви, из гробницы, из келий, хозяйственных помещений новые и новые воины, вооруженные с головы до ног. На иноземное воинство напал такой страх, что оно разбежалось в разные стороны. Когда же начальники войска донесли королю, тот под пытками начал спрашивать русских пленников о точном числе воинов в монастыре. Все пленники показали на допросе, что ни одного воина там нет. «Пораженный этим чудом, король не только оставил обитель в покое, но и запретил всем своим ратникам ходить в обитель или делать какие-либо обиды тому месту, сказав, что не просто то место, но некоторый великий угодник Божий пребывает в нём и можно зле всем пострадать. Это же великое чудо побудило короля

отпустить и всех русских пленников», – читаем в «Кратком сказании о житии, подвигах и чудесах преподобного Саввы Крыпецкого, Псковского чудотворца, по поводу 400-летнего торжества со дня блаженного преставления его», опубликованном в «Псковских епархиальных ведомостях», № XIII за 1895 год. Позже вышло и отдельное издание за подписью настоятеля Иоанно-Богословского монастыря игумена Александра (сентябрь 1891 – октябрь 1900). По восстановленному отцом Пантелеймоном в 2010 году списку настоятелей обители именуется Александром II (Соколовым), который преставился в 1902 году 82 лет от роду, погребён в Любятовском храме.

Русские пленники были отпущены на свободу и, придя в Псков, рассказали о чудесном спасении обители. Игумен и братия, возвратившись в монастырь и увидев всё нетронутым, возблагодарили Господа и святого угодника Савву чудотворца.

Мне же про это чудо рассказал в самый первый мой визит в монастырь отец Вассиан. А вот найти полный вариант житийного текста со словами Батория об угоднике Божием долго не удавалось. И лишь пролистав подшивки «Епархиальных ведомостей» конца XIX века, посчастливилось обнаружить требуемое. Этот поиск мой был сродни движению к обители – трудно, с перерывами, с искушениями, с потерями и болями житейскими.

ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО САВВЫ КРЫПЕЦКОГО, СЛУЧИВШИЕСЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Чудо о необыкновенном обретении средств на восстановление монастыря

В середине 90-х годов XX века, когда обитель стояла в разрухе, для отца Дамаскина каждый день на новом месте служения был чудом. По Божией благодати ему было доверено великое дело восстановления святого места, ибо монастырь после долгих лет разорения был возвращен в лоно Православной Церкви. Обживать на новом месте приходилось почти как преподобному Савве: в глуши, без дорог, без средств, без трудников и рабочих. Твердая вера в помощь Божию, молитвы к святым угодникам помогали настоятелю смиренно обивать пороги власть имущих и новых богатеев и просить на святое дело. Много важных в своей мирской суете приемных обошел отец Дамаскин. В некоторых даже и слушать его не хотели, указывая на дверь. Все терпел подвижник ради Господа. Так в очередной раз ушел он ни с чем из приемной начальника одного из предприятий славного града Пскова. Ушел и забыл, как и называлась место, где просил без пользы.

Но не пришлось забыть об этом посещении начальнику, к которому не допустили наместника. Потом он сам поведал отцу Дамаскину, что в ту же ночь, после неудачного визита просителя, ему, всегда спавшему крепким сном без сновидений, вдруг привиделся во сне старец с белой круглой бородой на фоне храма. Старец указал на полуразрушенный этот храм, на ветхую колокольню и призвал помочь в их восстановлении. Проснувшись, начальник подивился такому сну, но за делами тут же забыл о нем. На следующую ночь видит он то же видение. И так три ночи подряд являлся ему во сне необычный старец. Необъяснимая тревога вошла в сердце начальника. Старец во сне

говорил, что помочь надо какому-то монастырю, но где он — об этом не сказал ни слова. Стал начальник ездить по окрестным псковским обителям. Побывал в Печорском, в Снетогорском, Спасо-Елиазаровском монастырях и других местах, но все были не похожи на ту обитель, что видел он во сне. Хотел уж было оставить поиски, да услышал, что открылся новый монастырь под Псковом — Крыпецкий. Нашёл по карте село Крыпецкое. Как плутал, пока доехал, и вспоминать страшно: дорог проезжих тогда к обители не было. Добрался к вечеру и узнал, наконец, «свой» монастырь. К неожиданному гостю из полуразрушенной колокольни, где он и жил тогда, вышел сам отец настоятель. Тут-то и поведал ему начальник свою историю. Отец Дамаскин подвел гостя к иконе преподобного Саввы, а тот сразу же узнал старца из своего сна. Руководство предприятия неоднократно помогало обители и транспортом, и деньгами, и полезными в строительных делах подарками. А наместник и братия не забывали поминать своих помощников в молитвах.

ЭПИЛОГ

Как земля не похожа сама на себя:
 почва пряная, камень остылый,
 люди нежат её или в комья дробят
 и любимой зовут и постылой.
 Так похожа на жизнь эта почва у ног:
 от избытка даров – плодоносит
 и ущерба не имеет,
 не знать бы иной
 от рожденья дарованной гостыи.
 Но взглянув за столетий крутую гряду,
 солнцем палит томление духа:
 свет его на добро, жар его на беду,
 и они не живут друг без друга.

Так и мир с монастырским житьём заодно,
 то в молитве единой стеною,
 то гоненья начнутся, разруха, огонь,
 хоть ковчег готовь новому Ною.

Да и Крыпец не минула чаша сия.
 Есть сказанье... об этом прочти в Жития,
 как спасались верою в Бога
 от тюрьмы и сумы за порогом.

Как разбойники, каясь, брели в монастырь,
 сложат песни последней надежды;
 нет страшнее безверия в жизни беды,
 замыкавшей сердечные вежды.
 И глухими к пророчествам станут цари,
 отрекаясь креста своего.
 Разве тихо Блаженный монах говорил?

Век спустя лишь слышат Глагол.

По кровавым следам революций и войн
Ярославим мостом ко землице святой
доберутся по двое, по трое –
племя новое, племя младое.
Из развалин поднимут они монастырь –
к вечным вечных добавив чудес;
будет Крыпецким зваться отец Дамаскин.
...Это жизнь лишь даётся в обрез.

Далеко я от них – чернецов крыпецких,
но обыденных дел миновавши,
слышу их голоса среди хоров людских,
вижу взгляды среди спутников наших.
Современники, память о вас мне дана,
как родители, дети, язык и страна,
как мгновение счастья любимой.
Эта память – поэмы будь темой.
Шаг за шагом, строка за строкой... Что спешить?
Мирно в келье душе... завершить бы здесь жизнь,
как поэму мою – многоточьем...
Ты, поэма – живи...
Ты – молитва моя,
над тобою
 звездой
 горит Крыпец – маяк
путеводный в болотном урочище
жизни бренной.
 Молитвой в пути
всем живущим,
 Чернец,
 посвети...

Фиолент-Коктебель, 12–15.07.2019